

Евгений Гребень

1944-ый год в воспоминаниях жителей Беларуси

Ключевые слова: Беларусь, оккупация, освобождение, воспоминания

Введение

1944 год стал переломным для жителей Беларуси, годом перехода от нацистской оккупации к мирной жизни. Несмотря на то, что Вторая мировая война продолжалась, боевые действия на территории Беларуси завершились к концу июля 1944 года. Естественно, что особенности данного периода нашли отражение в воспоминаниях очевидцев. Целью статьи является, на основе воспоминаний жителей Витебской области, определение специфики повседневности жителей Беларуси в заключительный период оккупации и первое полугодие спустя.

Заключительный период оккупации. Осенью 1943 года началось освобождение Беларуси от нацистской оккупации. К весне 1944 года часть восточных районов была освобождена, вся Беларусь стала прифронтовой территорией. К дислоцированным здесь ранее тыловым подразделениям вермахта и вооруженным формированиям коллаборационистов добавились части группы армий «Центр». Борьба против действовавших на немецких коммуникациях партизан еще более усилилась. Зимой 1943 — весной 1944 года немцы провели ряд масштабных карательных операций против партизан и мирного населения (*Karatelnye akcii* 2008). В июне — июле 1944 года территория Беларуси была освобождена от германской оккупации в ходе операции Красной армии «Багратион».

Жителей прифронтовых районов немцы еще в 1943 году перемещали на запад. Проблемы возникли как для самих эвакуированных, которые в спешке не могли практически ничего взять с собой, так и для тех, кто был вынужден обеспечивать беженцев. Так называемые «беженцы» распределялись по семьям, в районах переселения их приходилось кормить каждой местной семье по неделе и более в зависимости от размера земельного надела (Головка). Для жителей населенных пунктов, находящихся на территориях, подконтрольных партизанам, последние месяцы оккупации связаны с массовыми акциями по уничтожению людей или захвату скота и продуктов питания и угону рабочей силы в Германию.

Получила распространение практика сокрытия ценностей от немцев, которые в ходе акций пацификации или отступления из конкретного

района изымали скот, продукты питания (Богданович). Помимо угрозы имуществу со стороны немцев существовала вероятность его реквизиций партизанами, поэтому продукты питания и иные ценности местные жители закапывали также и от них, что, однако, не гарантировало сохранности (Сакович, Кондратьева). Некоторые граждане утратили закопанное имущество из-за того, что земля была перекопана немцами, строившими оборонительные сооружения в деревне (Шаркель).

Освобождение. Приближение фронта летом 1944 года люди ощущали по массовому передвижению воинских частей, а также по изменившемуся поведению немцев (Каркоз, Храменок). Один из информантов характеризовал немцев того времени как «не таких агрессивных» (Козловский). Другой информант вспоминает немца, проходившего по деревне со словами «Гитлер капут» (Захарова). При этом в воспоминаниях содержатся сведения о порче отступающими немцами инфраструктуры и сожжении населенных пунктов (Малявко). Жительница Поставского района сообщает, что один из немцев предупредил, что её деревня будет сожжена (Урбанович).

Рискующее попасть под огонь противоборствующих сторон мирное население покидало свои дома, пряталось в погреба, окопы, землянки, порой подготовленные заблаговременно (Санковская, Захарова, Бороденок, Урбанович). Информанты описывают разрывы снарядов и бомб вблизи от укрытий, страх немцев, перепутавших гром с залпами реактивных минометов «Катюша», немецких солдат, заглядывавших в убежища людей (Храменок, Андрон). Канонада могла восприниматься не как приход освободителей, а как попытка немцев атаковать деревню (Богданович). Часть граждан встретила освобождение, находясь в лесных лагерях, где многие месяцы скрывалась во время антипартизанских акций немцев (Кондратьев, Минькова).

Настороженная реакция следовала на наступившую после боев тишину (Храменок). Известие о приходе красноармейцев («советов») могло вызывать в ряде случаев закономерное недоверие; людям сложно было поверить, что лично для них война закончилась, поэтому из лесных убежищ выходили осторожно и не сразу (Зыкова, Кондратьев). Как вспоминает жительница Россонского района, «солдаты выводили с леса, а мы одичали, не могли нас поймать». Увидев брата-партизана в немецкой униформе, она и бывшие с ней люди не поверили в освобождение и убежали (Кондратьева).

После боев свидетелям запомнилось много брошенной немецкой амуниции, трупов лошадей и немецких солдат. Разлагающиеся трупы немцев впоследствии хоронили местные жители (Богданович). Какое-то время по лесам блуждали голодные немецкие солдаты (Храменок). Случалось, красноармейцы расстреливали одиночных немцев, оставшихся за линией фронта (Санковская). Хотя раненые немецкие солдаты просили дать воды, местные жители к ним не подходили, боялись за свою жизнь (Бороденок). Сформировавшийся за всю войну страх перед самолетами переносился на советскую авиацию; хоть люди и осознавали, что это свои, но по инерции прятались (Храменок).

Послеоккупационный быт. Итогом оккупации стало тотальное уничтожение жилого фонда. Если дома не уничтожались полностью, постройки повреждались в ходе боевых действий, вылетали стекла, оконные рамы, двери (Урбанович). Возвратившиеся из лесных лагерей или из эвакуации из РСФСР в подавляющем большинстве случаев заставали свои дома сожженными или разобранными немцами для постройки оборонительных сооружений (Головко, Подобед, Богданович, Шаркель, Головко, Снежин). Поэтому летом и осенью 1944 года люди массово ютились в наскоро построенных шалашах, времянках, землянках (вырытых самостоятельно или оставленных немцами), жили под открытым небом или в немногих чудом уцелевших строениях (Богданович, Бороденок, Кондратьев, Головко, Зыкова, Шаркель, Минькова).

Сразу же после освобождения еще более усугубилась диспропорция между женщинами и мужчинами. В Красную армию были мобилизованы мужчины, которых не успели призвать в 1941 году, молодые люди, достигшие призывного возраста в годы войны, бывшие партизаны. Есть сведения о мобилизации в армию даже бывших полицейских (Снежин, Санковская). В результате возрождение уничтоженного войной хозяйства практически целиком легло на женщин, стариков, подростков и мужчин-инвалидов (Андрон). Уборка посеянных еще в 1943-ем зерновых и посев на следующий год для восстановленных коллективных хозяйств проводилась в условиях тотального отсутствия инвентаря и тягловой силы. Обыденностью стала практика обработки земли, когда в качестве тягловой силы выступали женщины и подростки или, в лучшем случае, использовались коровы. Несколько семей кооперировались для произведения полевых работ (Санковская, Кондратьев, Андрон). Жительница деревни Жигули Верхнедвинского района вспоминает, что плуг тянуть было легче чем борону, он шел ровно (Снежин).

Если скот в семье чудом сохранялся до самого конца оккупации, он мог быть реквизирован немцами или красноармейцами летом 1944 г. (Снежин). Жительница деревни Комаи Поставского района вспоминает, что ее отцу накануне освобождения удалось купить за 11 пудов соли хорошего коня, которого скоро забрали красноармейцы-артиллеристы, оставив взамен худого и больного чесоткой (Каркоз). Часть животных погибло во время боевых действий (Санковская, Урбанович).

Большинство информантов констатирует послевоенный голод. Экстремальная гастрономия, ставшая обыденным явлением для большинства жителей в период оккупации, сохранилась и после освобождения. Приходилось употреблять в пищу мякину, крапиву, шавель, вереск, лебеду, мокрицу; использовать удобрения вместо соли (Шаркель, Зыкова, Подобед, Кондратьева). Летом рацион разнообразился за счет грибов и ягод («если б не грибы и ягоды, умерли бы») (Бороденок). Изготавливаемые блюда шокировали непривычного к такому зрелищу человека. Например, зашедший в дом офицер, откомандированный после ранения уполномоченным в местный колхоз, увидев «черный постный суп и пирожки из травы», воскликнул: «Что вы кушаете? Вы же умрете!» (Полевечко). В другом случае на пепелище родительского дома мать информанта сумела раскопать спрятанное перед уходом из деревни зерно. Это обуглившееся зерно составляло основу постоккупационного рациона семьи, хлеб по виду получался красивый, по вкусу — неприятный, но и ему были рады. Девочка носила его в школу и делилась с подругами (Зыкова). Распределение продуктов производилось с учетом важности члена семьи. Так, жительница Поставского района вспоминает, что мать варила затирку для отца более густую, так как он работник, детям — чуть закрашенную молоком (Головко).

Привычной практикой стали очереди за хлебом в ближайшем населенном пункте, где был магазин, причем без гарантии, что удастся купить (Журомский, Урбанович, Головко). Послевоенную ситуацию с обеспечением товарами и продуктами один из информантов охарактеризовал так: «Это не Польша [сравнение с предвоенным периодом, когда часть Беларуси входила в состав Польши], в магазине не купишь» (Журомский).

В таких реалиях многие женщины вынуждены были ходить в западные районы Беларуси, Литву, Латвию, где пытались подработать или просили подаяние (Полевечко, Койра, Шаркель, Зыкова). Ходившая с соседками в Литву за продуктами жительница Поставского района вспоминает,

что к ним литовцы относились по-разному. Кто-то чем-либо поделится, но бывало и собаку спустят или отберут то, что дали другие (Койра). По рассказам другого информанта, в Латвии мать пыталась наняться к кому-либо на работу за продукты, и только с четвертого раза получилось добыть немного муки, а в основном сталкивалась с негативным отношением: «Надоели эти белорусы. Идут и идут» (Зыкова).

Менее радикальные оценки послевоенной ситуации встречаются в рассказах жителей западных районов. Здесь у граждан могли оставаться довоенные запасы продуктов и скот (Каркоз, Урбанович, Койра). Трудности после освобождения информанты объясняют исчерпанием довоенных запасов («то партизаны, то бандиты», «все же надо»), но и здесь люди практиковали сбор ягод и грибов, жителям сожженных деревень также приходилось искать пропитание, прося подавание (Головко).

Крайне сложно было с обувью и одеждой. Обувь изготавливали из подручных средств («постолы», подшитые резиной) (Козловский). Распространённой практикой оккупационного и постоккупационного периода стало перешивание одежды взрослых детям (Василевская). Отсутствие возможности приобрести ткань в магазинах вынуждало людей ткать самостоятельно дома при свете лучины (Урбанович, Журомский, Бороденок).

В постоккупационный период имели место рецидивы болезней, характерных для оккупационных лет, таких как тиф, чесотка, малярия; дети болели менингитом (Малявко, Козловский).

Практически не изменилась детская повседневность. Как и в условиях оккупации, родители (в основном матери) были постоянно заняты проблемами выживания. В условиях тотальной разрухи матери постоянно занимались поиском продуктов, решали насущные вопросы, и дети, которые еще не могли работать по хозяйству, были предоставлены сами себе. Например, жительница поселка Освея вспоминает, что, оставив двух девочек десяти и шести лет (возраст, когда дети еще не могли находиться без опеки взрослых, но альтернативы не было) в связанном из высокой травы шалаше, мать пошла на поиски продуктов в Латвию (Зыкова).

Осенью 1944 года начали открываться школы, функционировавшие в условиях дефицита учебной литературы и канцтоваров (Буртыль, Зыкова). Городские дети, которые некоторое время учились в условиях оккупации, могли идти в класс постарше, чем их сверстники, которые пережили войну в деревне и не учились (Захарова). Одна из информантов, чтобы быстрее окончить школу, заявила, что до войны, якобы, ходила в

шестой класс (на самом деле в четвертый), но позднее все равно была переведена в четвертый (Василевская). Некоторые дети, вынужденные помогать родителям по хозяйству, после освобождения не пошли учиться вовсе (Малявко).

В ряде воспоминаний жителей западной и, реже, восточной Витебщины фигурирует послевоенный бандитизм. Информанты не всегда могут определить национальность и политическую принадлежность участников вооруженных формирований, не ясно, идет ли речь в каждом конкретном случае об участниках антисоветского сопротивления или об обычных бандитах. Информанты просто фиксируют факты насилия (что у кого забрали, кого убили) (Койра, Урбанович, Василевская). Изредка люди вспоминают отдельные подробности, например, что участники вооруженных формирований были «из Литвы», «со Свири», либо «местные жители, уклонявшиеся от мобилизации в армию» (Каркоз, Теляк, Альфер).

Выводы. Таким образом, характерные для оккупационного периода аспекты повседневности (дефицит продуктов питания, одежды, скота, всевозможные бытовые трудности) обострились до крайности в 1944 году. Практически все информанты констатируют резкое ухудшение качества жизни накануне и в первые месяцы после освобождения Беларуси от германских оккупантов. Реалиями 1944 года были перманентный голод, бытовые проблемы, болезни. В то же время, несмотря на тотальную послевоенную разруху, люди были готовы переживать трудности, которые воспринимались на фоне пережитого ранее не такими уж страшными.

Список источников и литературы

Alfer (2017) *Vospominanija Alfer Antona, zapisany 13 avgusta 2017 goda v derevne Gruzdovo Postavskogo rajona*; audiozapis (57 minut na belorusskom jazyke) hranitsia v personalnom arhive avtora [Memories of Alfer Anton, recorded on August 13, 2017 in the village of Gruzdovo, Postavy district; audio recording (57 minutes in Belarusian) is stored in the personal archive of the author].

Andron (2017) Andron Nina, 13. 08. 2017, der. Rusiny Postavskogo raj., 20 min., belorus., pers. arhiv avtora [Andron Nina, August 13, 2017, village of Rusiny, Postavy district, 20 min., Belarus., personal archive of the author].

Bogdanovitsh (2009) Bogdanovitsh Vladimir, 10. 07. 2009, der. Veleвшyna Lepelskogo raj., 46 min., rus., pers. arhiv avtora [Vladimir Bogdanovich,

July 10, 2009, village of Veleвшchina, Lepel district, 46 min., Rus., personal archive of the author].

Borodenok (2007) Borodenok Tatiana, 13. 08. 2007, der. Zatekliasje Lepelskogo raj., 85 min., belorus., pers. arhiv avtora [Tatiana Borodenok, August 13, 2007, village of Zateklyasye, Lepel district, 85 min, Belarus., pers. archive of the author].

Vasilevskaja (2017) Vasilevskaja Lubov, 07. 10. 2017 der. Liahovitchi Postavskogo raj, 89 min., belorus., pers. arhiv [Vasilevskaya Lyubov, October 7, 2017, village of Lyakhovichi, Postavy district; 89 min, Belarus., pers. archive of the author].

Gribko (2017) Gribko Marija, 07. 10. 2017, der. Petrovitchi Postavskogo raj., 81 min., belorus., pers. arhiv avtora [Maria Gribko, October 7, 2017, village of Petrovichi, Postavy district, 81 min., Belarus., pers. archive of the author].

Golovko (2017) Golovko Anna, 13. 08. 2017, der. Miskie Postavskogo raj., 42 min. belorus., pers. arhiv avtora [Anna Golovko, August 13, 2017, village of Miskie, Postavy district, 42 min., Belarus., pers. archive of the author].

Zhuromskij (2017) Zhuromskij Bronislav, 12. 08. 2017, der. Popeliki Postavskogo raj., 51 min., belorus., pers. arhiv avtora [Zhuromsky Bronislav, August 12, 2017, village of Popeliki, Postavy district, 24 min., Belarus., pers. archive of the author].

Zaharova (2009) Zaharovej Valentiny, 23. 02. 2009, gor. Lepele, 28 min., rus., pers. arhiv avtora [Valentina Zakharova, February 23, 2009, city of Lepel, 28 min. Rus., pers. archive of the author].

Zykova (2014) Zykovej Alexandry, 09. 09. 2014 pos. Osveja Verhnedvinskogo raj., 58 min., rus., pers. arhiv avtora [Alexandra Zykova, September 9, 2014, village of Osveya, Verkhnedvinsky district, 58 min., Rus., pers. archive of the author].

Karkoz (2017) Karkoz Viktorii, 12. 08. 2017 der. Komai Postavskogo raj., 51 min., rus., pers. arhiv avtora [Victoria Karcos, August 12, 2017, village of Komai, Postavy district, 51 min Rus., pers. archive of the author].

Kozlovskij (2011) Kozlovskogo Ivana, 20. 09. 2011, der. Zatekliasje Lepelskogo raj., 52 min., rus., pers. arhiv avtora [Ivan Kozlovsky, September 20, 2011, village of Zateklyasie, Lepel district, 52 min., Rus., pers. archive of the author].

Kondratjev, Kondratjeva (2019) Kondratjeva Franca, Kondratjevoj Nadezhdy, 11. 05. 2019, der. Jankovitchy Rossonskogo raj., 108 min., belorus., pers.

arhiv avtora [Franz Kondratyev and Nadezhda Kondratyev, May 11, 2019, village of Yankovich, Rossony district, 108 min., Belarus., pers. archive of the author].

Kojra (2017) Kojry Felicii, 12. 08. 2017, der. Kovali Postavskogo raj., 63 min., belorus., pers. arhiv avtora [Koira Felicia, August 12, 2017, village of Kovali, Postavy district, 63 min., Belarus., pers. archive of the author].

Maliavko (2018) Maliavko Pavla, 18. 10. 2018, der. Lazoviki Lepelskogo raj., 70 min., belorus., pers. arhiv avtora [Malyavko Pavel, October 18, 2018, village of Lazoviki, Lepel district, 70 min., Belarus., pers. archive of the author].

Minkova (2019) Minkovoj Alexandry, 12. 05. 2019, der. Pavlovo Postavskogo raj., 26 min., belorus., pers. arhiv avtora [Minkova Alexandra, May 12, 2019, village of Pavlovo, Rossony district, 26 min., Belarus., pers. archive of the author].

Podobed (2009) Podobed Varvary, 10. 07. 2009, der. Vevvshchina Lepelskogo raj., 19 min., belorus., pers. arhiv avtora [Podobed Varvara, July 10, 2009, village of Vevvshchina, Lepel district, 19 min., Belarus., pers. archive of the author].

Polevetsshko (2019) Polevetsshko Marii, 12. 05. 2019, der. Jakubovo Postavskogo raj., 45 min., belorus., pers. arhiv avtora [Polevetsshko Maria, May 12, 2019, village of Yakubovo, Rossony district, 45 min., Belarus., pers. archive of the author].

Sakovitch (2017) Sakovitch Leokadii, 07. 10. 2017, der. Soroki Postavskogo raj., 14 min., belorus., pers. arhiv avtora [Sakovitch Leokadia, October 7, 2017, village of Soroki, Postavy district, 14 min., Belarus., pers. archive of the author].

Sankovskaja (2008) Sankovskoj Lidii, 11. 08. 2008, gor. Vitebske, 67 min., rus., pers. arhiv avtora [Sankovskaya Lydia, August 11, 2008, city of Vitebsk, 67 min., Rus., pers. archive of the author].

Sniezyn (2014) Sniezhin Stanislavy, 18. 04. 2014, der. Zhiguli Verhnedvinskogo raj., 57 min., belorus., pers. arhiv avtora [Sniezhin Stanislava, April 18, 2014, village of Zhiguli, Verkhnedvinsky District, 57 min., Belarus., pers. archive of the author].

Urbanovitsh (2017) Urbanovitsh Eleny, 12. 08. 2017, pos. Lyntupy Postavskogo raj., 71 min., belorus., pers. arhiv avtora [Urbanovich Elena, August 12, 2017, village of Lyntupy, Postavy district, 71 min., Belarus., pers. archive of the author].

Hramenok (2009) Hramenok Olgi, 23. 02. 2009, gor. Lepel, 43 min., belorus., pers. arhiv avtora [Khramenok Olga, February 23, 2009, city of Lepel, 43 min., Belarus., archive of the author].

Sharkel (2019) Sharkel Lubovi, 11. 05. 2019, der. Albrehtovo Rossonskogo raj., 36 min., belorus., pers. arhiv avtora [Sharkel Lyubov, May 11, 2019, village of Albrehtovo, Rossony district, 36 min., Belarus., pers. archive of the author].

Karatelnye akcii v Belarusi (2008) [Punitive actions in Belarus]. Minsk: Stalia. 164 p.

Jevgeņijs Grebeņš

1944. gads Baltkrievijas iedzīvotāju atmiņās

Atslēgas vārdi: Baltkrievija, nacistiskā okupācija, atbrīvošanās, atmiņas

Kopsavilkums

Pamatojoties uz Vitebskas apgabala iedzīvotāju atmiņām, rakstā rekonstruētas Baltkrievijas ikdienas dzīves iezīmes 1944. gadā. 1944. gads bija Otrā pasaules kara pagrieziena punkts baltkrieviem. Frontes līnijas pārvietošanās uz BPSR austrumu apgabaliem pastiprināja partizānu darbību vācu aizmugurē, savukārt vācieši palielināja soda operāciju darbības mērogus pret partizāniem un civiliedzīvotājiem, kā arī okupētās Baltkrievijas materiālo un darbaspēka rezervju ekspluatāciju.

Baltkrievijas atbrīvošana no nacistu okupācijas 1944. gada vasarā civiliedzīvotājiem radīja psiholoģisku gandarījumu, savukārt pilsoņu materiālais stāvoklis nemainījās vai pat pasliktinājās. Cēlonis tam bija totāla infrastruktūras un materiālo vērtību iznīcināšana, ko, atkāpjoties, veica vācieši. Strauji pieauga arī vīriešu kārtas strādnieku trūkums, ko izraisīja daudzu vīriešu mobilizācija Sarkanajā armijā 1944. gada vasarā. Rezultātā pirmajos pēcokupācijas mēnešos bija pilnīgs pārtikas, rūpniecības preču un inventāra deficīts, dažādos darbos notika vīriešu nomaiņa ar sievietēm, veciem cilvēkiem un pusaudžiem. Austrumu novadu iedzīvotājiem izdzīvošanas iespējas bija jāmeklē Baltkrievijas rietumu rajonos, Lietuvā un Latvijā.

Yauhen Hreben

1944 in the Memories of the Inhabitants of Belarus

Key words: Belarus, occupation, liberation, memories

Summary

The article reconstructs the features of everyday life in Belarus in 1944 based on the memories of the residents of the Vitebsk region.

The war year 1944 was a turning point for the Belarusians. The movement of the front line to the eastern regions of the BSSR intensified the actions of partisans in the German rear, while the Germans, in turn, intensified the scale of punitive operations against partisans and civilians, as well as the exploitation of material and labor reserves of the occupied Belarus.

The liberation of Belarus from the Nazi occupation in the summer of 1944 brought the civilian population rather psychological satisfaction, while the material situation of the citizens did not change for the better or even worsened. The reasons for the latter were the total destruction of infrastructure by the retreating Germans and the destruction of material values. The shortage of male workers also sharply increased due to the mobilization in the summer of 1944 into the Red Army. As a result, in the first postoccupation months, there was a total shortage of food, manufactured goods, inventory, and a massive replacement of men by women, old people, and adolescents in various jobs. Residents of the eastern regions had to look for means of survival in the western regions of Belarus, Lithuania, and Latvia.